

— С нею? Нет!—отвечает мужчина.—У нее отличный аппетит, как у хористки в час дня.

— Что же это с вами?—спрашивает Тэпли, обращаясь ко мне.—Скушали на ночь за ужином слишком много свиных котлет?

Я вынимаю газету и показываю ему.

— Подделка,—говорит он.—Ничего не знаю об этом. Вы видели своими глазами замечательное всемирно-известное чудо четвероногого царства, вы видели, с какой сверхъестественной мудростью оно вкушает свой утренний завтрак; вы своими глазами могли убедиться, что оно не украдено и не заблудилось. До свидания. Будьте здоровы.

Я начал понимать, в чем дело, и, усевшись в тележку, велел дяде Нэду ехать к ближайшей аллее. Там я вынул мою свинью из мешка, тщательно установил ее, долго прицеливался и дал ей такого пинка, что она вылетела из другого конца аллеи—на двадцать футов впереди своего визга.

Потом я заплатил дяде Нэду его 50 центов и пошел

в контору газеты. Я хотел услышать своими ушами—коротко и ясно—в чем дело. Я вызвал к окошечку заведующего объявлениями.

— Мне надо разрешить пари,—сказал я.—Не был ли тот человек, который сдал вам объявление о свинье, толстенный, с черными усами и короткой ногой?

— Нет,—отвечал заведующий.—Он очень высокий, волосы у него желтые, как спелая рожь, и расфуфырен, как оранжерейный цветок.

К обеду я вернулся к миссис Пиви.

— Не оставить ли немного горячего супу для мистера Татама?—спросила она.

— Долго вам придется его ждать. Сохраняя для него горячий суп, вы истощите на топливе все угольные копи и все леса обоих полушарий.

— Итак, вы видите,—заклучил свою повесть Джэфф Питерс,—как трудно найти благородного, надежного партнера.

ПЕР. КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО.

ЛЕНИН В ИСКУССТВЕ.

Когда великий человек уходит из числа живых, перед последними встает неотступная мысль об исторической ответственности перед грядущими поколениями, для которых они обязаны сберечь отображение облика ушедшего. Ныне с особенной, почти трагической силой эта мысль встает перед нами, современниками Владимира Ильича, на глазах у которых он пробыл, в сущности, всего шесть лет и которые тем не менее должны завещать его телесный образ целым векам. Правда, в течение траурной недели последний облик Ильича вошел в душу трудящихся масс, молодежи и детей, но будущему—что передадим мы? Какими возможностями располагаем мы в этом отношении? В нашем распоряжении имеются механические средства, отсутствовавшие в иконографии прошлого: «фото» и «кино»; и поскольку ими запечатлены отдельные герои и моменты революционной эпопеи России, они разнесут хотя бы и мимолетное видение Ленина по всем частям света, от жителей Берлина до индусов и негров. Но как ни громадна агитационная миссия «фотографии», какие бы интереснейшие фильмы, воссоздающие героическую историю Ильича от эмигрантской скромности до головокружительной триумфальности октября ни возникали (а они должны быть и несомненно будут)—все это недостаточно для увековечения ленинского образа в его сложной внутренней сущности. Для этого необходимо живое изобразительное искусство—искусство живописи и ваяния, которому мы обязаны знанием великих покойников прошлого, которое у нас, например, сберегло для потомства образы Пушкина и Толстого...

Увы—в этом отношении мы успели сделать немного! Когда Ильич из эмигранта-ученого силою своей воли и волею масс превратился в главу шестой части мира, в рулевого гигантского корабля, в всадника, вздернувшего и сдержавшего громадного коня—ему было не до позирования! Некогда—работал «каторжно». Да и опять все та же суровая скромность бывшего изгнанника. Он ни разу не позировал по-настоящему, уделяя художникам (после долгих домоганий их и близких ему) лишь немногие минуты для беглых зарисовок. Да и то—продолжая, в то же время, делать свое дело, беседуя с посетителями, работая или говоря по телефону: он умел делать многое сразу. Так зарисовали его облик в движении художники Альтман, Пархоменко, Кацман, Малявин и некоторые другие. Но эти зарисовки—лишь запечатления отдельных мигнов, выражений, поворотов головы и жестов. В подлинном же смысле портрета Ленина у нас нет,—и это несмотря на всю «благодарность» его головы и фигуры для художественного воплощения (особенно для скульптуры, по самой природе своей родственной ясной четкости Ленинской натуры)...

Мы спохватились тогда, когда гром уже грянул—когда Ленин уже покоился в гробу. В Горках маску с него снял скульптор Меркулов, а в Колонном Зале целый ряд художников делал наброски с его лица и рук и всей фигуры в гробу среди величавой обстановки тех дней—Петров-Водкин,

и Кацман (для «Красной Нивы»), Ульянов, Малютин, Юон, Киселис, Радимов, Моор, Мешков, Кравченко, Яковлев, Горелов, Фабер, Гинзбург, Фидиас и другие. Одни с благоговейной пристальностью следили линию его изумительного лба, давая лишь очертания этой недавно мощной, а теперь такой трогательно выточенной головы; другие не могли не зарисовать и того фона, на котором лежал Ленин—символического фона всей его жизни: проходящих масс, рабочих, работниц, детей, красноармейцев (таков воспроизводимый у нас рисунок К. Петрова-Водкина); так еще раньше при жизни написал его Бродский (см. наш титул).

Этот материал, эта посмертная ленинская галерея явится ценнейшим документом истории—тем, что послужит будущему портрету Ленина, его памятнику. Ибо приходится согласиться с поэтом Полетаевым, что «портретов Ленина не видно, похожих не было и нет; века уж дорисуют, видно, недорисованный портрет».

Правда, вполне законное стремление возможно скорее воздвигнуть памятник ушедшему вождю уже целой волной прокатывается по С. С. С. Р. (как об этом говорят телеграммы с мест*), но это начинание не терпит излишней спешки. Пережитое в эти дни должно отстояться—тогда оно даст подлинный кристалл искусства. Образ Ленина должен быть понят еще углубленнее; а чтобы понять Ленина, этот сплав железной твердости с душевной интуицией, надо многое преодолеть и в самих себе—нашу все еще рыхлость и дряблость (в искусстве и в жизни!) и нашу обратную крайность: формализм, забвение духа для формы. Портрет—памятник Ленина будет. Он будет образом Ленина, но образом синтетическим, и патетическим, «дорисованным», одухотворенным и оформленным всем тем, что Советская Россия (а с нею и все революционное человечество) прочувствовала сейчас и еще долго будет чувствовать впредь. Он вырастет возросшим и наслоенным той легендой, что уже творится кругом. Он будет вызывать все новые художественные воплощения, как образы Брута, Телля, Марата, Маркса. Он будет все более и более титаническим и триумфальным и, может быть, совсем непохожим по своей форме на прежние памятники по мере триумфа коммунистической идеи и той инженерно-технической эры, за которые боролся Ленин... В монументальном величии этого памятника (в котором архитектура сыграет не меньшую роль, нежели ваяние) воплотится весь пафос ленинской эпохи.

Я. ТУГЕНДХОЛЬД.

*) В Москве на Красной площади на месте временного деревянного мавзолея, сделанного по проекту А. Щусева, предполагается воздвигнуть мавзолей из твердых материалов, который служил бы и постоянной трибуной. К разрешению этой большой задачи с помощью конкурса будут привлечены все лучшие художественные силы не только России, но, надо думать, и за-границы.

КРАСНАЯ НИВА

— ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ —
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО и Ю. М. СТЕКЛОВА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1924 г. с пересылкой и доставкой в червонном исчислении.

Без приложений:

Январь—1 р.; февраль—1 р.;
3 месяца—3 р.
На год—10 р.; за границу—1 р. 50 к.
в месяц. Цена отд. №—25 коп.

С приложениями:

С одним (12 книг или Альбом „Советская культура“): на год—13 р.
С двумя (12 книг и Альбом): на год—16 р.
Для рабочих, служащих, крестьян при групповых подписках через соответствующие организации:

Допускается
рассрочка:

Вид	Без пр.	С 1 пр.	С 2 пр.
В два срока { 1—в январе	5 р.	8 р.	10 р.
{ 1—до 1 июня	5 „	5 „	6 „
В три срока { 1—в январе	5 р.	5 „	8 „
{ 2—до 1 марта	3 „	4 „	4 „
{ 3—до 1 июня	2 „	4 „	4 „

В семь сроков	Без пр.	С 1 пр.	С 2 пр.
1—в январе	2 р.	3 р.	3 р.
2—до 1 февр.	1 „	2 „	2 „
3—до 1 марта.	2 „	1 „	3 „
4—до 1 апр.	1 „	2 „	2 „
5—до 1 мая.	2 „	2 „	3 „
6—до 1 июля.	1 „	2 „	2 „
7—до 1 сент.	1 „	1 „	1 „

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ: при выписке журнала с одним приложением необходимо указывать, с каким именно приложением высылать журнал.

За 1923 год подписная плата: январь—декабрь по 1 р.

ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: строка—60 к.; 1 страница—40 черв.
1/2 стр.—20 черв.; 1/4 стр.—10 черв.; 1/8 стр.—5 черв.

Постоянным публикаторам по соглашению. На обложке и впер. текста на 50% дороже. Расчет за напечатанные объявления принимается червонцами или совзнаками по курсу дня платежа. Счета подлежат оплате в семидневный срок со дня напечатания. Сверх публикуемого тарифа начисляется 10% налог «Помощь детям».

Лица и учреждения, принимающие подписку, могут удерживать в свою пользу 5% с подписной платы. Подписка принимается во всех почтово-телегр. учреждениях и кооперативных организациях.

Адрес Редакции и Конторы: Москва, Тверская, 48.
Тел. 2-78-94 и 2-79-42.

ПО ДЕЛАМ РЕДАКЦИИ ПРИЕМ ПО СРЕДАМ И ПЯТНИЦАМ ОТ 3 ДО 5 ЧАС. ВЕЧ.

Рукописи должны быть написаны четко и на одной стороне. Непринятые рукописи менее половины печатного листа не возвращаются.

№ 6

Москва, 10-го февраля 1924 г.

№ 6

Н. И. Бродский (Ленинград).

В. И. Ленин.

МАЯКИ В ЦВЕТУ.

Рассказ С. Григорьева.

I.

В 1919 году графскому леснику Буйнову исполнилось от роду сто семь лет. Он знал это точно, потому что от матушки своей мальчиком слышал, что родился в пожар Московский—в двенадцатом году.

В 1919 году—«из годов вон» боры пышно цвели по всей Самарской луке от дач бывшей графской (Орловых-Давыдовых, потомков любимца Екатерины II) усольской экономии по Усе реке до лесов бывших Губкина-Кузнецова (чай с двумя якорями на обертке) против Царева кургана, что повыше Самары, у ворот Жигулей (не пивоваренный завод—горы). Цвели в эту весну даже самые старые маяки. Над горами облаком стояла цветень.

Маяками называют те сосны, что при сплошной рубке оставляются для обсеменения вырубленной площади.

В экономическом графском лесничестве на многих кварталах разница в возрасте между маяками была примерно лет в 20—30—таковы были очереди рубки—но едва ли бы даже опытный глаз лесного таксатора мог различить то, что видел вокруг своего дома лесник Николай Алексеев (по прозвищу Буйнов, крестьянин села Барковки).

Изба лесника на полянке в пересечении двух просек (столб с номерами кварталов 287, 288, 35, 36), посреди пашни Буйнова (с десятину клином), засеянной овсом.

В квартале 35-м среди сосен равной толщины и высоты—маяк, который Буйнов звал про себя «парем»—он ему считал примерно четыреста пятьдесят—а то и пятьсот лет. В квартале 36-м выдавался над другими маяк Иван—без малого трехсот пятидесяти лет, в квартале 288-м над молодыми лет по тридцати, еще островерхими соснами, возвышался вершиной, похожей на пламя костра ночью в низовую погоду, маяк Алексей—ему не менее ста пятидесяти лет. В 287 и посторонний неопытный глаз мог бы сразу отличить маяк в полроста—выше сплошняку, с скупой метелкой веток на вершине—это Петр—ему лет с сотню.

Буйнов ходил по просекам с винтовкой на погоне через левое плечо. В долине между гор через колючую щетину бора голубела клинышком разбитой чайной чашки Волга, обведенным золотой каемкой луговых песков и сизой лентой поймы. Дальше степь. Маяки смотрели поверх голов молодежи за Волгу—на восток. И Буйнов смотрел туда же в степь—из степи надвигалось последнее.

Давеча приходил старик Синюшкин (из Барковки), на лодке до Дивьего бекета со внуком приплыл (Барковка в луговой стороне), внучка с лодкой покинул, а сам в горы к Буйнову. Поговорили:

— Что бережешь? Мужики меня послали.
— Берегу. А что? Почему этта вспомнили?

— Да слышь ты колчаки с Бугульмы и Бугуруслану идут. Царя ставить. Може еще пригодится она? Ты как смыслишь?

— То-то вот пригодится—а кто говорил: «сгодилась она нам на подтирку?» А! Ну-уж, я тебе верно скажу—что если этот царя не поставит: кончено. Больше царям не быть.

— Кто знат! Так ты, Николай Алексеич, бережешь?

— Берегу. Пойдут наши колчаков бить? Иль большевиков?

— Куда погонют, туда и пойдут. Не разбери бери дело выходит. Парнишки чего-то шебаршат—у коих отцов винтовки поотымали... Шум идет. Узелок вот Марьке тетка Анна прислала—бельишко что ли.

— Ладно. Спасибо.

— Прощай покуда... Береги ее! Ты бы сказал где?

— Время придет, скажу. Помирать я не собираюсь.

— Самонадеянный ты, ан ты помрешь, да и время случайное.

— Бог меня до смерти не тронет. С собой в гроб не возьму. Коли что, повестку дайте.

— Прощай, дедушка!

— Будь здоров, внученок!

Сказал Буйнов и усмехнулся, глядя вслед своему седому и плешивому внученку: старик ковылял вниз по тропке к Волге раздрыганный походкой запойного пьяницы...

— Пропили отечество, шайтаны! Какой ты мне внучек—седьмая вода на киселе!—бормотал задумчиво Буйнов:—про *то*е вспомнили; а то им эсеры, керенский, долой самодержавие, учредительное собрание, долой большевиков!.. Мало вас били да по-роли!..

Буйнов пошел домой. Изба стоит с раскрытыми окнами. Из окна—кашель.

— Машенька! Дядя Степан был—чево-то тебе принес—бельишко что ли.

— Спасибо, дедушка. Что сказывал дядя чего, али нет?

— Сказывает: колчаки Бугульму взяли, на Самару идут...

— А наши что?

— Кто наши?—сердито переспросил Буйнов... И не получил ответа. Он положил

узелок на окно и сказал:—Ты бы встала, да вышла на солнышко. Полезнее тебе, чем лежать... Смотри-ка, хорошо-то как!

— Душно, дедушка!

— Мало что душно! Воздух сосновый...

— А что это, дедушка, против солнца будто пыль.

— Бор пылит. Давно такого цвету не было. Из годов. Маяки и то цветут. Гляди вот...—Буйнов провел ладонью по запыленному подоконнику и посмотрел на свет: ладонь была в желтовато-серой пыли:—Я этой пылью пятьдесят лет дышу. Пыль здоровая! Ничего тебе не надо?

— Выпила бы я чайку, да чего-то не хочется... Все мне дремлет—да грезится...

— Ну, видь сон—да мне скажешь, не забывай, а я пойду, Чернавку подою. Парным тебя угощу...

Не снимая с плеча винтовку, Буйнов берет опрокинутый на колу плетня подойник и идет на опушку, где в лывинке чуть секнет родничек и разрослась вокруг него зеленая трава и молодая крапива.

Н. Альтман.

Портрет т. Ленина.

Чернавка лежит в тени орешника, увидав Буйнова издали, мычит и поводит ноздрями. Буйнов достает из кармана немного соли и на ладони подносит к теплой морде: Чернавка слизывает соль, вея горячо из ноздрей, мусоля руку языком и встает. Буйнов отер руки подолом рубахи и присаживается на корточках доить. Звенят синеватые струйки молока. Парно пахнет выменем, молоком, ржавой жестью подоюника, и полынью и пылью сосен—мгновеньями дух у Буйнова легонько захватывает: похоже на то, что бывало, когда в солдатах пробовал курить и затягивался. Только от табака—дух горький и терпкий—а тут, когда цветут боры, все дышет своим, даже дубовый серый, весь в трещинах, кол плетня, с которого Буйнов снимал подоюник, не спутал, а только сплел свой чахлый запах с духом сухого талового плетня.

— Зачем это курют, не понимаю. Дыши и дух зайдется...

Буйнов лукавит с собой, знает, что у него дух захватывает от сердца и земский доктор еще до войны ему ска ал—что тяжелой работы делать ему никак нельзя и шибко в гору не ходить—а то умрет в одночасье—а не пора ли?

Подойдя Буйнов не спеша идет с опушки долобого к избе—не потому, что верит доктору и боится смерти—бог его до самой смерти не тронет—а потому, что в книге Иоанна Арида «Вертоград душеполезный» (перевод с немецкого) напечатано:

— Мудрый не спешит!..

Солнце за полдень и уж от гор на голубой фарфор Волги легла серо-серебряная тень. Пробежал луговой стороной двутрубный буксир. Буйнов провожает его взором. Пароходы дровами топят—бывало нефтью; от парохода и знати нет, а над этим стелется высокое бурое облако дыма. Две мачты поставлены вместо одной и проволоками перепутаны—говорят—телеграф (чудно!) и на корме—большой красный флаг. Должно быть вооруженный пароход.

— Все войны!

Буйнов останавливается у столба на углу четырех кварталов. Маяки высятся над бором в смугло золотистом против солнца облаке цветени. И, будто повторяя урок, Буйнов шепчет, обращаясь к маякам:

Пархоменко.

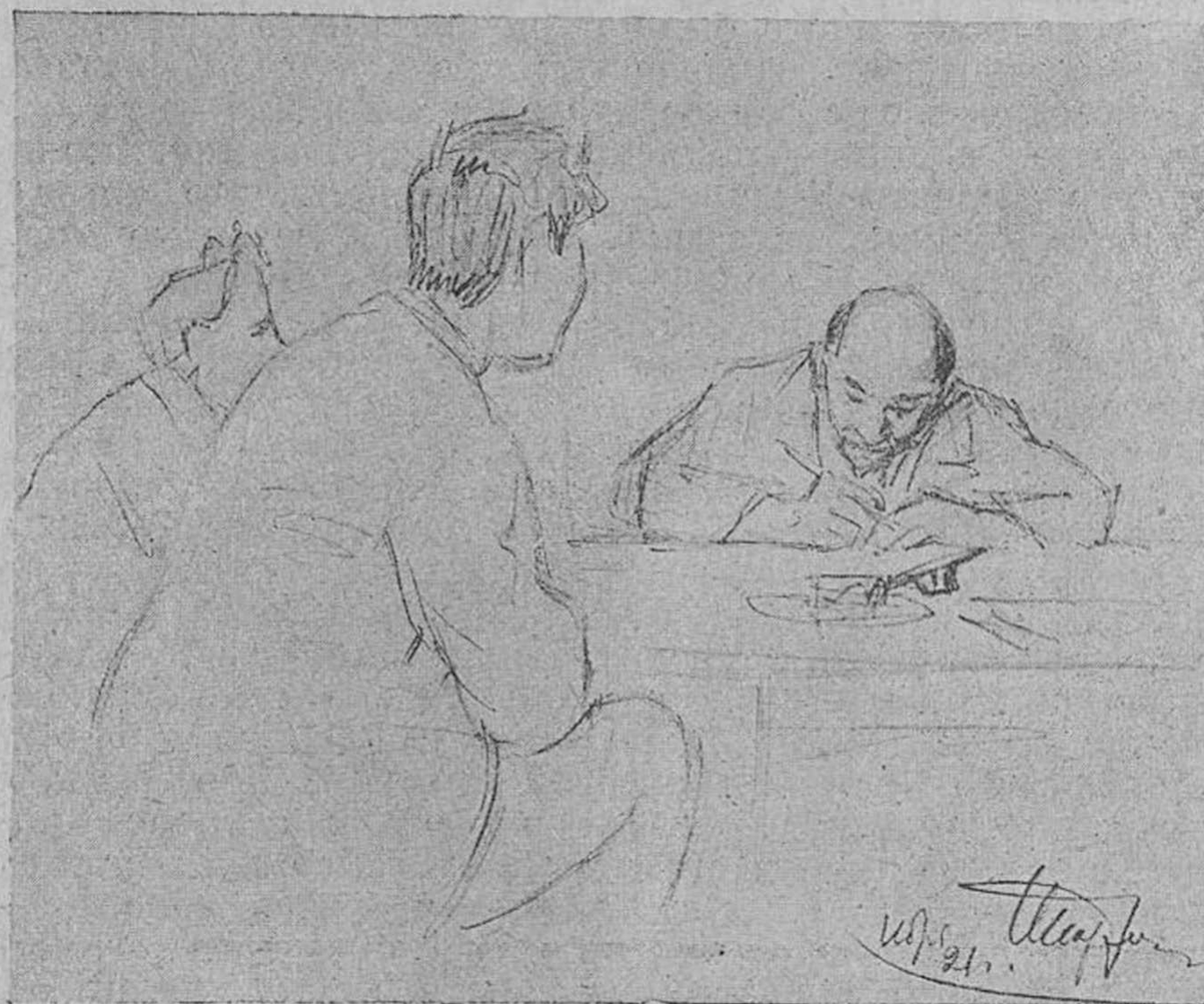
В. И. Ленин слушает...

— Авраам роди Исаака, Исаак роди Иакова, Иаков роди Иосифа и брата его. Николай роди Ивана, Иван роди Алексея, Алексей роди Петра и брата его. Петр роди Марию. И никого нету, опричь нее. Чудно. А маяки стоят. И может все они дети—одного царя...

Буйнов смотрит за пламенем костра в низовую погоду развеянную крону самого старого маяка—и он нынче цветет—чудно!—а поди ему триста лет. Ровесник ейный а то и старше...

— А я один. Да Мария! Чудно!

Буйнов пытается пожалеть себя. Вспоминает сына Ивана, убитого в пятьдесят пятом году на глазах при происшествии под Евпаторией. Вместе на редуте были. Сколько народу положили зря, а ведь говорили инженеры, что надо было редут за Килен-балкой построить,

Пархоменко.

На приеме у Ленина (ноябрь 1921 г.).

ибо контрапрош в правый фланг неприятельских работ—могла наилучшим образом способствовать обороне. Внука Алексея под Плевной убило—ружья-то у наших были «скуси патрон», а у турков—Пибоди-Мартини. Правнука Петра под Мукденом—японцы: целый батальон скосили из пулеметов—а мы тогда о пулеметах только и узнали, что они такое есть. В тот год у Петрова бабы (хоть он и запасной) девченка родилась: девять месяцев спустя, как отец ушел; Марья—последняя. Счахла сиротинushка. В сосновом духу може отдобит. Себя не жалко, а ее. Тужится себя Буйнов пожалеть и не может. Ухмыльнулся.

Буйнов снял с кола балакирь, вошел в избу, процедил молоко из подоюника в балакирь через ситечко и снес на лед. Остатки молока, процедив, слил в стакан и понес в горницу. Под ситцевой занавеской на кровати раскинулась Мария. Глаза закрыты. Буйнов тихо стоял перед кроватью, боясь спугнуть сон девушки и любовался: на синей ситцевой подушке червонели, разметавшись рыжеватые пышные волосы, окаймляя личико, горевшее румянцем лихорадки. Воспаленные губы полуоткрыты. С плеча спустилась рубаха, открывая грудь; плечо, не глядя на худобу, выдавалось кругло и бела была грудь—с малинкою сосца... Девушка открыла глаза.

— Я, дедушка, не сплю.

— Парного молочка испей, Машенька.

— Не хочется!

— Испей, испей! Бывало барыни у меня всегда молоко пили. У нас, ведь, вроде курорту в лесничестве было. Приедет весной вобла-воблой, а за лето нагуляет себе брылы—во!

Буйнов присел на кровать и, разбирая пряди волос вокруг Машенькина лица, уговаривал ее выпить молока... Она согласилась и приподнялась, пила неохотно малыми глотками. Упала снова головой на подушку и устало закрыла глаза. И, лукаво улыбаясь с закрытыми глазами, сказала:

— А я, дедушка, сон видела, пока ты доить ходил.

— Какой сон, расскажи.

— Будто у тебя её отняли и в музей в шкап за стекло в Самаре положили. А над шкапом плакат: за сию грамоту барковских мужиков пороли сто лет. И все пялятся посмотреть на бумагу, и смеются, и головами качают...

— Ну, это ты, ластушка моя, не сон видела, а вспомнила, что я тебе сказывал—верно: просили её у меня в музей... Как же! И еще как просили!

— Я забыла, дедушка, расскажи.

— Да уж сказывал однажды.

Копирован
3-м ут.
25/1 24г.
Е. Кацман

Е. Кацман (специальный рисунок карандашом для «Красной Нивы»).

Ильич в гробу. В три часа утра 25 января.

роду? В старые-то годы заповедь исполняли. Мой папаша, царство ему небесное, в поход собираясь, мамашу холостую не покинул. В одиннадцатом году ушел на Наполеона—а в пожарный год—меня окстили! Вот! Ивана мне супруга принесла, как забрили, да в гвардию гренадерский полк письмо пришло, в тридцать четвертом, никак, году. Опять и Алексей—перед самым Севастополем. Прощались некрута с солдатками—памятку о себе узелочком завязывали. Да и Машенька—в Японскую войну. Который тебе, Машенька, годочек идет...

— Шестнадцатый, дедушка, пошел...

— Что-ж, Алешка-то венчаться будет?

— Кто знат. Говорит, что предрассудок быдто.

— А давай, мол, так? Жить!

— Что ты, дедушка!..

Машенька кинула мочалку в горшок и выбежала из горницы...

— Застыдилась! Говорю—от соснового духа встанет. Ишь ты хвостом вильнула: бегат! А еще недели нет пластом лежала.

Дед вскинул за плечо винтовку и пошел на волю: не слышать ли из-за Волги пушечного грома.

Пешел дед долобою к Волге—и до полгоры не спустился—смотрит, лезет вверх Алешка Вострягов—само собой, с винтовкой, и красный, от жары потом облился.

— Здравствуй, дедушка, Машенька дома?

— Здравствуй Алексей Степаныч. Чего это тебе некогда? На кой покой торопишься?

— Прощаться пришел. Завтра идем. На Колчака. Слышать, на сорок верст подошел!..

— Постой. Мне в гору шибко нельзя. Давай побеседуем. До завтра время много.

— Ну и чтож. Отдохни. Садись на пенё.

Буйнов и Алексей уселись на серые пни.

— О чем же мы с тобой беседовать станем?—спрашивает Алексей, вертя под махорку козью ножку.

— Об этом самом. Знаешь ты, зачем Колчак-то идет?

— Знаю.

— Царя ставить?

— Царя ставить.

— Ну?

— А мы его не пустим.

— Как это не пустим?

— Да побьем.

— Колчака-то? Ты про него слыхал? Саблю с него золотую хотели снять—арестовали, а он ее сам снял, да в море кинул...

— Слыхали. А у нас комбриг Елань—намедали ни митинге в театре пошел камаринского под гармонь—так инда электричество замигалось.

— А сколько твоему комбригу лет?

— Да почитай мы с ним ровесники...

— То-то вот маладенчики вы...

— Что поделаешь, коли война весь народ выбила—ты да я—старый да малый остались.

— О чем я тебе и говорю—кто же закон-то исполнит. Пропадать роду? Ты гляди на бор. Вон царь и то в дыму стоит... Гляди...

— Никакого царя я не вижу. Сосны и сосны. Може одна коя и постарей—только всего и было.

— От той-то сосны все и происходит. От одного корня. Авраам ради Исаака—и пошло! И размножились по всей земле.

— А ты подумай-ка, дедушка, могил-ль такое быть. Ты вот гляди на эту веточку...

Алексей сломал развилистую веточку татарских серег (бересклета).

— Сучок, примерно, я,—сказал Алексей,—а развилочка мой отец да мать. А у отца моего тоже отец да мать. И у матери моей мать да отец. Так—от каждой разви-

лочка—опять? Отец да мать, отец да мать—и пошло двоиться. Выходит, что праотцев-то у меня до пятого колена столько, что листьев на этом сучке. А если до Авраамийского дуба дойти—то праотцев у меня будет больше, чем было листов на том самом дубу—а ты мне «Авраамий да Исаакий»!

— Ты постой-постой, чего ты городишь, как? Дай-ка сюда сучок,—забормотал дед Буйнов испуганно.

Он выхватил из рук у Алексея ветку бересклета, и в смятении, сбитый с толку, долго перебирал колена пальцами, начиная с первого толстого сучка к веточкам, побегам и листьям на кончиках веток.

Алексей покойно курил, и, улыбаясь, смотрел на склоненную к зеленой ветке в бороду уставленную седую голову Буйнова деда... Своя серые от века запыленные изрытые суровой жизнью черты на лице старика проглянула счастливая растерянная радость.

— Совсем дитем дедка сделался!—подумал Алексей! Буйнов поднял голову и радостно пробормотал:

— Чего ты мне сказал, Алешка! Господи! Дерево-то! Из листа растет? А!

Глаза старика застала слеза, и смахивая ее Буйнов присматривался пристально к Алексею. Лицо застыло, и показался парень деду старику. Опять шевельнулась радостная досада:

— Неужто это ты сам додумался?... Иль научили?

— И сам и научили... Не все-ль равно...

— Выходит что не ты по мне родня, а я по тебе.

— Выходит так.

— Постой! Чего-же это? Выходит — ты, ведь, меня старше.

— Выходит так.

— Люди-то, выходит, все роднее от века к веку! Утешил ты меня, Алешка, и понять ты того не можешь, до чего утешил.

Дед пошел впереди. Алексей его останавливал:

— Смотри, дед, задыхнешься. Куда тебя!

К избе пришли в сумерки. Машенька стояла на крыльце.

— А уж боюсь, куда дед пропал—а он гостя ведет.

— Гостя тебе привел, ты и не чувствуешь какого гостя.

Машенька протанула руку Алексею и чуть-чуть жеманно отвернулась.

— Чего—кокетничаешь!—Сердито сказал дед:—чай, сколько раз в талах целовались. Ладно уж! Ставь самовар! Для такого раза угощу я вас, милые, китайским чаем с сахарком!

Пока Машенька гремела самоварной трубой, а Алексей сидел на коннике зевая, дед Буйнов отворил со звоном большим ключом тюменскую укладку, окованную «морозом», достал оттуда четвертку чаю с двумя якорями—Губкина-Кузнецова и фунтик сахару, купленный им до четырнадцатого еще году у Василия Перлова Сыновей в Самаре. Положил чай с сахаром на стол, покопался в укладке и, достав оттуда пеструю шаль, позвал:

— Поди-ка, сюда, Марья.

Машенька подошла, кося глазами в сундук. Дед развернул шаль и накинул девушке на плечи. В закатном свете запылали ярые цвета платка, синюю и золотым огнем—Машенька досадливо взмахнула руками, и на миг и деду и Алексею поместилось, что не Марья, а птица чудесная взмахнула крылами...

— Что я старуха что-ли. Таких теперь не носят!

Машенька капризно стряхнула с плеч шаль.

Старик обиделся:

— Старуха? Истинно! Моя старуха молодой из-под венца в шали-то ехала. А тебе бы чай, креп-де-шин или из фуляру кофту...

— А как же!

— Кабы ты понимала, шали нет цены! Ситчики да батисты да мадам пополам!

В. И. Ленин в изделиях госуд. фарфорового завода.

Е. Кацман (живопись маслом). — В. И. Ленин, говорящий речь на Женских Курсах в 1919 г.
„Их карта будет бита!“
(Из речи Ленина).

К. Петров-Водкин.

Специальный рисунок для „Красной Нивы“.

В. И. Ленин в гробу.

КРАСНАЯ МИРА

№ 6

Москва, 10-го февраля 1924 г.

№ 6

ЖЕНА И СЕСТРА ЛЕНИНА

Надежда Константиновна КРУПСКАЯ.

Мария Ильинишна УЛЬЯНОВА.

ЛЕНИН В ИСКУССТВЕ.

В. И. Ленин.

Барельеф И. Шадра.

КРАСИЛА ИЛИВА

— ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ —
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО и Ю. М. СТЕКЛОВА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1924 г. с пересылкой и доставкой в червонном исчислении.

Без приложений:

Январь— февраль по 1 р.

Март—1 р. 25 коп. 3 мес—3 р.

На год—10 р.; за границу—1 р. 50 к.

в месяц. Цена отд. №—25 коп.

С приложениями:

С одним (12 книг или Альбом „Советская культура“): на год—13 р.

С двумя (12 книг и Альбом): на год—16 р.

Для рабочих, служащих, крестьян при групповых подписках через соответствующие организации:

Допускается
рассрочка:

В два { 1—в феврале
срока { 1—до 1 июня

и { 1—в феврале
В три { 2—до 1 марта
срока { 3—до 1 июня

Без пр.	С 1 пр.	С 2 пр.
5 р.	8 р.	10 р.
5 „	5 „	6 „
5 р.	5 „	8 „
3 „	4 „	4 „
2 „	4 „	4 „

В шесть { 1—в феврале.
сроков { 2—до 1 марта.
 { 3—до 1 апр.
 { 4—до 1 мая.
 { 5—до 1 июля.
 { 6—до 1 сент.

Без пр.	С 1 пр.	С 2 пр.
3 р.	5 р.	5 р.
2 „	1 „	3 „
1 „	2 „	2 „
2 „	2 „	3 „
1 „	2 „	2 „
1 „	1 „	1 „

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ: при выписке журнала с одним приложением необходимо указывать, с каким именно приложением высылать журнал

За 1923 год подписная плата: январь—декабрь по 1 р.

ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: строка непарели 60 к.; 1 страница—40 черв.; 1/2 стр.—20 черв.; 1/4 стр.—10 черв.; 1/8 стр.—5 черв.

Постоянным публикаторам по соглашению. На обложке и впер. текста на 50% дороже. Расчет за напечатанные объявления принимается червонцами или совзнаками по курсу дня платежа. Счета подлежат оплате в семидневный срок со дня напечатания. Сверх публикуемого тарифа начисляется 10% налог «Помощь детям».

Лица и учреждения, принимающие подписку, могут удерживать в свою пользу 5% с подписной платы. Подписка принимается во всех почтово-телегр. учреждениях и кооперативных организациях.

Адрес Редакции и Конторы: Москва, Тверская, 48.

Тел. 2-78-94 и 2-79-42.

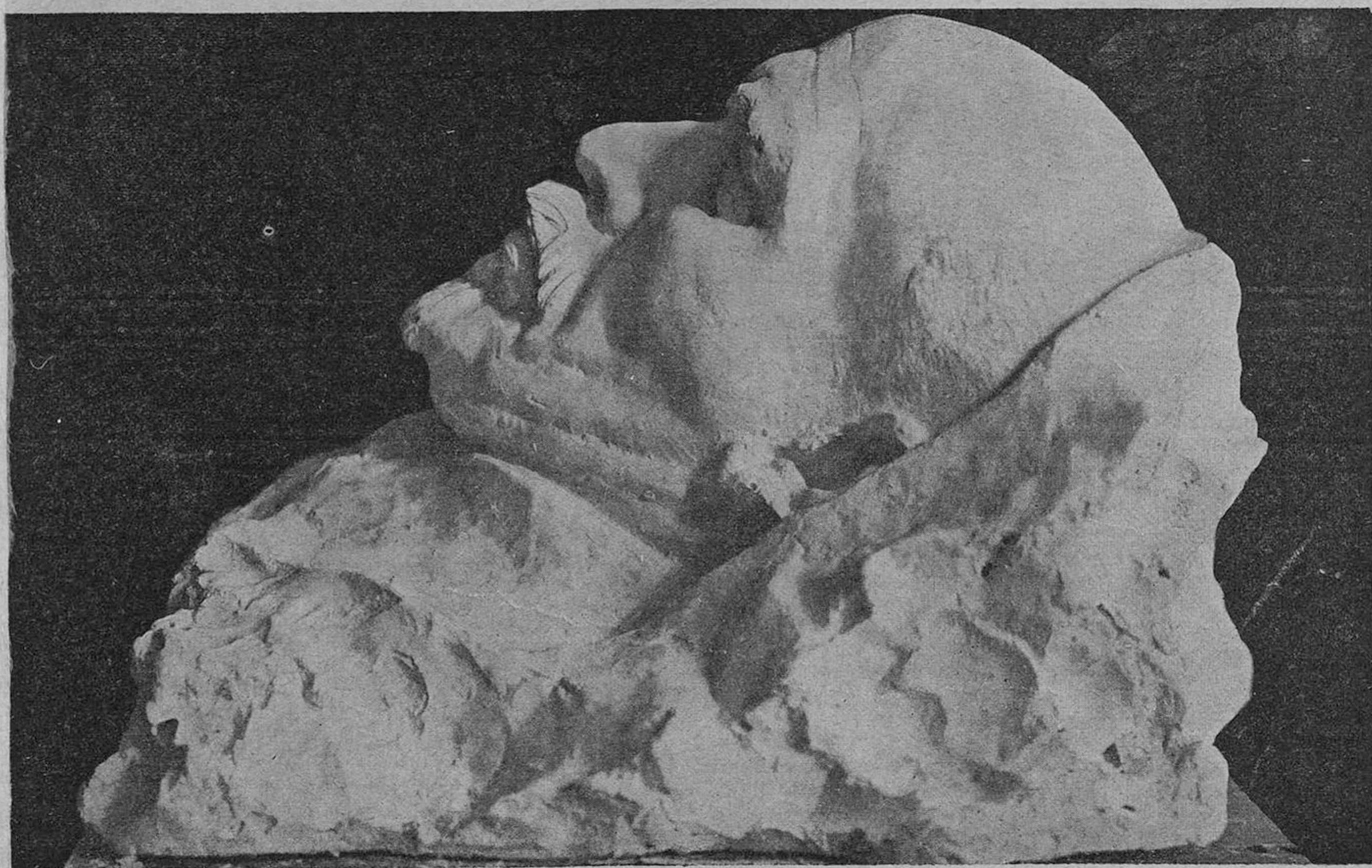
ПО ДЕЛАМ РЕДАКЦИИ ПРИЕМ ПО СРЕДАМ И ПЯТНИЦАМ ОТ 3 ДО 5 ЧАС ВЕЧ.

Рукописи должны быть написаны четко и на одной стороне. Непринятые рукописи менее половины печатного листа не возвращаются.

№ 10

Москва, 9-го марта 1924 г.

№ 10

В. И. Ленин в гробу.

Скульптура с натуры И. Шадра.

КРАСНАЯ НИВА

№ 10

Москва, 9-го марта 1924 г.

№ 10

Работница в спорте.

Фот. Кузнецова.

СОДЕРЖАНИЕ.

Елена Сергеева.—Счастье, бабий сказ.

Елена Феррари.—Господин Дыба и Нюнька, рассказ.

А. Неверов.—Бред, посмертный рассказ.

СТИХИ: Эммануила Германа, Семена Левого, Вл. Кириллова и Антона Пришельца.

СТАТЬИ: Государственный Физико-Технический Рентгеновский Институт проф. Я. И. Френкеля.—Прохоровка Дав. Хаит.—Новые письма Тургенева Л. Гроссмана.

ИЛЛЮСТРАЦИИ: Ленин в искусстве (скульптуры Шадра) — Женщина в русском искусстве. — Женщина в СССР. — Годовщина февральской революции. — Забастовка докеров в Англии. — Физико-Технический Рентгеновский Институт. — Вручение верительных грамот итальянским послом — Лыжный спорт. — Прохоровка. — Берлин ночью, портреты и др.

Наука и техника. Ребусы.